
ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ НА ЭКОЛОГИЮ

Ильин А. Н.

к. ф. н., доцент кафедры философии Омского государственного педагогического университета.

E-mail: ilin1983@yandex.ru

В статье основное внимание уделяется проблеме взаимосвязи между растущим потреблением и экологическим кризисом. Также автор описывает неразрывно связанные с данной темой проблемы социального неравенства, вопиющей неэквивалентности потребления между развитыми и развивающимися странами, обратной зависимости между экономикой и экологией, упадка культуры и т. д.

Ключевые слова: потребление, экология, культура, потребности.

The article focuses on the problem of interrelation between growing consumption and the ecological crisis. The author describes the problems which are inseparably associated with the given theme: social inequality, uneven consumption of developed and developing countries, an inverse relationship between economy and ecology, the problem of cultural decay etc.

Keywords: consumption, ecology, culture, needs.

Потребление – крайне актуальный на сегодняшний день предмет изучения ряда наук: философии, культурологии, социологии, психологии, экономики. Потребление – это тотальная идеалистическая практика, имеющая мало общего с действительным удовлетворением потребностей или с принципом реальности; «умеренного» потребления не бывает. Обществом потребления является то, где не только культивируется желание покупать, но где само потребление является метапотребностью, лежащей в основе целой системы фиктивных потребностей, созданных миром рекламы и массмедиа. Суть потребления заключена не в возможности приобрести рекламируемый товар, а в желании это сделать; потребление локализовано не в кармане, а в сфере желания. Общество потребления – это совокупность отношений, где господствует выступающий смыслом жизни символизм материальных объектов, влекущий потребителей приобретать вещи и тем самым наделять себя определенным статусом. Находясь в единой плоскости с явлением моды, оно, включая своих адептов в бессмысленный символический круговорот, унифицирует их индивидуальные качества и вовлекает их в единообразную перманентную покупательскую практику. Потребительские тенденции ориентированы в первую очередь не на удовлетворение какой-то реальной потребности, а на возвышение социального статуса консьюмера

Век глобализации 2/2013 113–130

в глазах окружающих посредством обладания дорогими гаджетами. Культура потребления, заставляющая субъекта выбирать «иметь» вместо «быть» в качестве основополагающего принципа жизнеустройства, – благодатная почва для создания фиктивных и полуфиктивных потребностей. Кроме того, потребительский культ с присущим ему расточительством конституирует идеолого-поведенческую основу наступления экологической катастрофы, вероятность которой повышается вместе с повышением уровня траты ресурсов.

Потребительский образ жизни ведет к хищническому расточению ресурсов, которые, как известно, ограничены. Внутренняя псевдопотребность потреблять приводит к ускорению оборота товаров. Современная технократическая потребительская цивилизация ненасытна в принципе, а потому и антиприродна. Она расточает ресурсы так, что превращается во врага биосферы и природы, а заодно в паразита-самоубийцу, если рассматривать данное явление в глобальном – планетарном смысле. Сам научно-технический прогресс трансформируется в орудие убийства. Поэтому вполне оправданы прогнозы ученых о грядущей экологической катастрофе; «обглоданная» планета может серьезно отреагировать на безумное потребление в попытке привлечь внимание жадного человека-потребителя, который, вооружившись идеей антропоцентризма, наплевав на экологию и превратив природу из вещи в вещь-исключительно-для-себя, перестал быть человеком разумным и принялся лихорадочным использованием ресурсов опережать жизнеспособность экосистемы. Природа стала представляться ареалом, оказывающим сопротивление целенаправленной деятельности человека, а задачи науки и технологий свелись к поиску путей преодоления этого сопротивления.

В эпоху современности, которую недаром называют обществом риска [см.: Бек 1992: 97–123; Бек 2001], научно-технический прогресс обернулся множеством побочных эффектов. Это безработица, техногенные аварии, дефицит ресурсов, загрязнение окружающей среды, озоновые дыры, генно-модифицированные или просто вредные продукты питания и т. д. Это атомные, химические, технологические, генетические, экологические и прочие угрозы и гиперугрозы. Это целый комплекс серьезных проблем, ответственность за которые непереложима на богов, Бога или Природу. Они порождают опасения относительно будущего и желание застраховать себя в настоящем от возможных опасностей, но риск и неопределенность проникают в социальную жизнь все сильнее, отодвигая в сторону любые гарантии. Сама реальность превращается в неопределенность, к которой все менее применимы прогнозы, расчеты меры возможных рисков, калькуляция их последствий и процедуры профилактики опасностей. Эти процедуры и меры безопасности оказываются менее современными, чем порождаемые эпохой опасности. Не существует строго определенных структур, гарантирующих совладание с наихудшими из возможных бедствий. На вызовы современности приходят малоэффективные ответы, а некоторые из них порождают еще более масштабные вызовы. НТП демонстрирует свою изнанку, обратную сторону выгод от прогресса. Поэтому некоторые лекарства становятся страшнее болезни. Катастрофы, ранее считавшиеся невозможными, мыслявшиеся в качестве отдаленных от реальности интеллектуальных конструкций антиутопистов, сегодня становятся все более реалистичными. Следует ожидать не просто масштабных последствий эгоистической деятельности концернов и корпораций, а негативных результатов глобальных последствий. Особый характер рисковости эпохи заключен в воз-

возможности уничтожения всего живого на планете посредством принятия и исполнения соответствующих решений. Природные катаклизмы ведь могут вызвать борьбу за ресурсы и особо разрушительные войны, мощный военный потенциал которых также является порождением прогресса. Так что проблема экологической безопасности тесно связана с проблемой военных, социальных, национальных конфликтов. Да и сама по себе экологическая угроза сегодня перерастает какие-либо барьеры, например национально-государственные.

Появление все новых и новых гаджетов влечет за собой упрочение экологических рисков. Такие гаджеты, как кулеры с чистой водой, – изобретения, всего лишь компенсирующие утрату, которую влекут другие изобретения. Но эта компенсация не равнозначна и, соответственно, не создает баланс между приобретением и утратой. В последние годы в обычной водопроводной воде все чаще находят разные химикаты, и поэтому возрастает общественная потребность в покупке так называемой чистой питьевой воды, которая стоит значительно дороже водопроводной. Представляется, что следующим изобретением, которое дополнит собой продажу чистой воды, будет продажа чистого воздуха. Темпы роста загрязнения воздуха значительно опережают темпы его восстановления, так как вредное производство остается вредным, а зеленая площадь планеты сокращается из-за вырубки лесов, постройки дорог, расширения мегаполисной среды и т. д. Апологеты потребления рассуждают примерно так: именно человеческие потребности стимулируют появление новых технологий, а постоянно растущие потребности дают бесконечные возможности для прогресса, который в конечном счете обогатит цивилизацию новыми ресурсосберегающими технологиями. Но нет никакого основания для доказательства тезиса о том, что прогресс в результате избавит нас от побочных результатов своих прежних достижений и выйдет на качественно новый уровень, обеспечив человечество новыми технологиями, позволяющими одновременно сохранить прогрессивные тенденции, потребление и окружающую среду. Этот прогресс теряет свое привилегированное положение, и он *должен* его потерять и десакрализироваться ради спасения человечества.

Не так давно произошла катастрофа в Мексиканском заливе, где вырвавшаяся наружу нефть грозила остановить и/или охладить Гольфстрим, что, в свою очередь, привело бы к масштабному климатическому сдвигу в сторону похолодания, похожему на тот, который – пусть даже в гротескном виде – показан в фильме «Послезавтра». И хотя мировые СМИ утверждают об отсутствии опасности, связанной с выбросом нефти, который произошел в результате деятельности British Petroleum, едва ли следует всерьез воспринимать эти медийные заверения. Во-первых, власти ничего другого и не скажут – ведь они не хотят сеять панику, и потому сакральная фраза «Все под контролем» подходит для любых случаев жизни. Во-вторых, странно, почему в Мексиканский бассейн перестали пускать журналистов и вообще кого бы то ни было; значит, есть что скрывать. Стремление экономического человека максимизировать прибыль путем выкачивания из планеты как можно большего количества нефти привело к тому, что *его жизнь ставит под вопрос не нехватка, а, наоборот, переизбыток ресурсов*. Золотая антилопа, превращая все в золото, грозитя слишком далеко завести этот алхимический процесс.

Вода является универсальным природным ресурсом, без которого не могли бы зародиться никакие формы жизни. В последние десятилетия дефицит пресной

воды возникает в регионах, где он ранее не наблюдался, к тому же этот дефицит повсеместно усиливается. Гиперугнетение пресноводной экосистемы, обгоняющее ее самовоспроизводство, влечет изменения и в качественном, и в количественном смысле. Страдают такие характеристики экосистемы, как биоразнообразие и биопродуктивность. Первая выражается в видовом количестве и в показателях внутривидового разнообразия. Вторая рассматривается с учетом производимой биомассы; но не вся биомасса является полезной, так как существуют вредные виды типа водорослей, которые возникают вследствие загрязнения водоемов и приводят к нарушению экологического баланса. Конечно, человек всегда сбрасывал в воду вредные вещества, но загрязнения как такового не происходило, поскольку экосистема успешно боролась с антропогенным фактором и самоочищалась. Загрязняющее воздействие не превышало несущую емкость – предел воздействий на экосистему, превышение которого приводит к ее деградации.

Однако сейчас наблюдается апогей загрязнения, который неуклонно ведет к самым неблагоприятным последствиям. Катастрофа происходит тогда, когда негативное воздействие на экосистему значительно превышает ее способность к самоочищению, так называемый ассимиляционный потенциал. Под негативным воздействием понимается не только прямое загрязнение, но и комплекс других факторов: забор воды, механическая обработка почвы и ее опустынивание, нарушение режима воспроизводства подземных вод и т. д. Так, хлорирование воды является очень вредным для здоровья человека процессом, результаты которого выражаются в снижении интеллектуальных и волевых качеств, а также повышении риска онкологических заболеваний. Однако хлорирование воды продолжается во многих странах... Экстенсивный путь развития, основанный на расширении ресурсной базы при сохранении используемых технологий (например, забор воды), ведет к ресурсному обнищанию. А интенсивный, при котором потребление не растет, но увеличивается эффективность использования ресурсов и сокращаются затраты (например, посредством водосберегающих технологий), способствует выходу из кризисного положения [Данилов-Данильян 2008]. Однако для общества потребления интенсивный путь развития выглядит утопичным, поскольку он требует если не снижения, то «заморозки» уровня потребления, а потребительская идеология требует его роста. Осуществление интенсивной стратегии, касающейся всех аспектов давления человека на природу и выраженной в нормализации антропогенного воздействия на среду и экологизации производства и потребления, будет означать если не рождение нового общества, то глубинную трансформацию общества потребления в то, чем оно пока не является. Без реализации этой стратегии окончательно утвердятся условия, когда нельзя будет взвалить ответственность на природу за те или иные катастрофы, когда актуализируется масса антропогенных катастроф, принимающих облик природных, когда степень социальной незащищенности перерастет любые мыслимые пределы.

Несмотря на водоизбыточность России, не стоит воспринимать проблему водообеспеченности в качестве псевдопроблемы, так как она касается всего мира в целом. К тому же в России хоть и наблюдается избыток воды (в количественном смысле), ее качество оставляет желать лучшего, о чем говорит высокий уровень загрязненности рек и озер. Видимо, обеспеченность этим ценным природным ресурсом в свое время создала определенный стереотип, позволяющий промышленным предприятиям бессистемно и совершенно неэкологично эксплуатировать

воду и загрязнять земли в речных бассейнах. Хотя Россия считается насыщенной пресной водой, необходимо помнить, что в некоторых регионах планеты пресная вода становится дефицитной, а потому и дорогой. И рост ее цены может дойти до критической точки, когда вода станет весомым поводом для войн. Поэтому регионам с большими запасами воды необходимо побеспокоиться об их сохранности, так как, располагая обширными ресурсами и малочисленным населением, трудно удерживать эти ресурсы, которые становятся предметом заинтересованности различных влиятельных акторов и объектом международных конфликтов.

Созданный на международном уровне для лоббирования интересов сильных мира сего Всемирный банк разработал политику приватизации воды, перевода ее на хозрасчет и пришел к выводу, что заботиться о водных потребностях человечества должны ТНК. Мировое потребление воды стремительно растет, и более миллиарда человек на планете испытывает недостаток в питьевой воде. При сохранении текущих тенденций потребность в воде к 2025 г. будет на 56 % превышать доступные резервы, как отмечает С. Голубицкий. В результате вода станет ресурсом, на обретение которого страны начнут брать нескончаемые кредиты у Всемирного банка, а после попадания в ловушку кредитного закабаления должники будут вынуждены выполнить условие перехода их экономики в руки все тех же ТНК и Всемирного банка. В боливийском городе Кочабамба в 2000 г. на улицу вышла львиная доля населения с на первый взгляд смешным лозунгом: «Мы хотим пить». Правительство с помощью полиции подавило протест. Появились сведения, что именно американцы передали правительству слезоточивый газ для умирения протестующих. Поводом для общественных беспорядков послужила цепочка «кредиты – тотальная приватизация (в том числе водных ресурсов) – переход в американские руки национально необходимых предприятий – ликвидация целых отраслей – потеря природных ресурсов – повышение цен на воду и обеднение людей». Весь проект был осуществлен корпорацией «Бигтел» через подставную фирму, которая заключила договор с правительством Боливии, предусматривающий выплату неустойки в размере 12 млн долларов в случае нарушения последним взятых на себя обязательств. Впоследствии протест перерос в боевое восстание, унесшее жизни людей. В результате корпоратократия была изгнана из страны, а заключенное между ней и правительством соглашение – расторгнуто. Однако за расторжение соглашения боливийское правительство в судебном порядке принудили заплатить неустойку, которая с лихвой покрывает расходы корпоратократии и – даже при незавершении проекта – позволяет ей обогатиться [Голубицкий 2004]. Победа народа в данном случае носит локальный характер и совсем не гарантирует повторения подобных противостояний в дальнейшем в разных странах. Скорее наоборот, политически инициируемая приватизация водных ресурсов заставляет задуматься об отсутствии таких гарантий.

Почва – ресурс, столь же необходимый человеку, как воздух и вода. За свою историю человечество утратило огромное количество плодородных почв, и эта трата продолжается. А между тем почва не только является поставщиком продуктов питания, но и выполняет множество различных функций для биосферы Земли*. Почва – благодатная обитель огромного разнообразия жизни планеты, и без сохранения почвы невозможно сохранить это разнообразие. Загрязнения почв

* О многообразии функций почвы см.: Добровольский 2008.

радионуклидами, нефтепродуктами, ядохимикатами особенно вредны, поскольку почва в отличие от воздуха и воды не рассеивает элементы отравляющих веществ, а поглощает их. Авторы книги «Потреблятьство» приводят следующий иллюстративный пример. Колумбия занимает всего 1 % суши, в ней произрастают 18 % всех видов растений и там живет большинство разновидностей птиц. Когда в конце 80-х гг. фермеры спилили большую часть деревьев, которые создавали тень вокруг кофейных плантаций, объем получаемого кофе увеличился, но возросли эрозия почвы и смертность птиц. При уничтожении естественной среды обитания птиц и других питающихся насекомыми существ насекомые-вредители стали бурно размножаться, и плантаторы перешли на использование пестицидов. Химикаты попали в легкие фермерам и в питательные вещества для животных и растений [Ванн и др. 2005]. Вот такая далеко идущая причинно-следственная связь. Но если мировой рынок требует кофе, а экономика Колумбии основывается на экспорте этого напитка, с экономической точки зрения целесообразно продолжать производство кофе, несмотря на серьезные экологические последствия.

В противовес эсхатологическим концепциям о нерациональном использовании природными ресурсами выдвигается следующая теория. По мере исчерпания ресурсов их цена возрастает, что вызывает изменения в спросе и предложении. Потребители будут экономнее расходовать подорожавшее сырье и даже станут искать ему замену. Производители же, вдохновленные ростом цены, активно займутся поиском новых месторождений, а также станут по максимуму извлекать ресурсы из известных месторождений; те залежи нефти, которые было невыгодно разрабатывать при 10 долларах за баррель, обретут привлекательность при 50. Этих рыночных эффектов не учитывали авторы прямолинейных прогнозов, предсказывавшие исчерпание запасов через 15–20 лет и т. п. По мере роста цены станут рентабельными иные источники данного сырья. По этой теории, ценовой механизм рынка уберезит нас от полного исчерпания запасов природных ресурсов.

Но моментально сократить потребление сырья и найти ему замену или разведать новые запасы невозможно. Готовиться нужно заранее, и для того чтобы мрачные прогнозы не оправдались, они должны иметь место. Такая теория неверна, так как сколько бы люди ни экономили на ресурсах в дальнейшем, как дорого бы те ни стоили, они все равно конечны. Значит, рынок и цена не уберегут их от исчезновения, а только отсрочат его. А даже если уберегут, ресурсы станут по карману только самым богатым и привилегированным, и огромный разрыв в доходах и потребительских благах возрастет еще сильнее. Во время дефицита ресурсов не каждый сможет себе позволить то, что позволяет сейчас. Да и потребительская культура, в отличие от мрачных прогнозов, вместо экономии воспитывает желание тратить и тем самым выступает мощным барьером для претворения в жизнь описанной «экономной» концепции. Вообще данная теория представляется недостаточно логичной, поскольку она видит спасение... в кризисе; мол, чем меньше ресурсов, тем они дороже, тем больше стимулов для экономии и поиска заменителей (вспоминается ленинское «чем хуже, тем лучше»). По мнению А. Никонова, апологета такой теории, активное потребление приводит к кризисам, в том числе к кризису исчерпания ресурсов. Зато кризисы подстегивают мышление, поиск выхода из них, то есть науку. Даже СССР, тративший много средств на науку и оборону, во многих научных областях серьезно отставал, так как не был обществом потребления: потребление способствует росту науки [Ни-

конов 2008]. США являются обществом потребления, но сверхинтеллектуальной цивилизацией Соединенные Штаты назвать сложно, и едва ли где бы то ни было мы найдем прямую зависимость между ростом потребления и ростом науки. Поэтому приведенный Никоновым тезис – не более чем софизм, неуклюжая попытка оправдать потребительство.

Соответственно актуализируются три основные проблемы, требующие решения как можно скорее: 1) экологическая ситуация, связанная с колоссальным загрязнением природной среды; 2) конечность природных ресурсов; 3) расточительство, свойственное культуре потребления. Все эти проблемы взаимосвязаны, что значительно затрудняет их решение. Во-первых, необходим поиск новых производственных технологий, с помощью которых появилась бы возможность безопасно использовать энергию (вовлечение чистых источников энергии). Это послужило бы сохранению экологии не в ущерб экономике. Во-вторых, важна интенсивная разработка принципиально новых технологий, которые бы обеспечили не просто безопасность для окружающей среды, но и разумное использование ресурсов (вовлечение возобновляемых источников энергии). Ведь экономика наиболее устойчива при минимальном расходовании невозобновляемых ресурсов и их замещении возобновляемыми. В-третьих, крайне необходимо активное воздействие на культурные ценности для их трансформации из потребительских в экономные.

Явление вторичного использования природных ресурсов вступает в противоречие с образом жизни, основанным на трате. Вторичное использование ресурсов прослеживается на различных уровнях: от изготовления сухарей из невыброшенного черствого хлеба до демонтажа воздушного лайнера с извлечением еще пригодных приборов и разрезкой корпуса для последующей переплавки. Сгрудившиеся в военных портах отслужившие свое атомные подводные лодки – признак серьезного изъяна в теории, практике и экономике природопользования. Использование бумажной макулатуры позволяет при производстве одной тонны бумаги и картона экономить 4,5 м³ древесины, 200 м³ воды, в 2 раза снизить затраты электроэнергии. В 2–3 раза снижается себестоимость продукции. 15–16 взрослых деревьев остаются на корню. Из 1 т отходов полиэтилена получают 860 кг новых изделий, что экономит 5 т нефти [Дежкин и др. 2008]. Утилизация – один из наиболее важных компонентов экологического поведения.

Еще в эпоху фундированного христианством европейского Средневековья господствовало мировоззрение, согласно которому человек создан по образу и подобию божьему, и это привилегированное положение позволяет ему возвышаться над всем остальным миром, над природой. В Новое время, когда появился культ индустриального разума, идеология антропоного хозяйствования во Вселенной получила практическое техническое обеспечение. Противопоставляя себя природе, человек не осознавал до конца свою зависимость от нее. Однако человек стал оказывать воздействие на природу не в век потребления, не в век Нового времени и даже не во времена Средневековья. На протяжении своей истории он постепенно наращивал давление на окружающую среду. Отношения сотрудничества плавно перетекали в компромисс, после чего обретали форму жесткой конфронтации. Природа долгое время справлялась с нарастающим антропогенным влиянием; но так не могло продолжаться бесконечно долго, что в итоге и привело

к экологическому кризису. Настоящее время – эпоха перемен, когда природный отклик на человеческую деятельность ощущается наиболее болезненно.

В первобытном состоянии человек путем естественного приспособления к природе обнаруживал свое единство с ней. Затем он стал менять окружающую среду в соответствии со своими потребностями. На смену присваивающему типу хозяйства пришел производящий; вместе с тем расширялся спектр человеческих потребностей, которые выходили далеко за рамки биологических, необходимых для выживания. Относительный достаток производимых продуктов обеспечивал демографический рост на планете, а расширение потребностей было сопряжено с появлением новых ремесел и усложнением культуры и общества. Общественные события отличались неотделимостью от природных; так, труд и отдых соотносились со сменой дня и ночи, а сев и сбор урожая повторяли времена года. Время было цикличным, основанным на традиционности, обращенности в прошлое; повторение прежних действий гарантировало достижение воспроизводства на прежнем уровне и отсутствие вредных изменений. Но впоследствии сельское хозяйство и ремесленное производство перестали в полной мере удовлетворять человеческие потребности, так как они позволяли производить ограниченный как в количественном, так и в ассортиментном отношении прибавочный продукт. Возникла необходимость в промышленной революции, с которой связаны многообразие новых технологий, фабричная организация труда, массовое производство, поточность стандартизированных товаров и переход на ископаемое топливо [Новажилова 2011: 13–22].

Ранее люди сами производили необходимые вещи, прилагая к этому процессу огромные усилия. Потом производство стало стандартизированным, и люди уже перестали осознавать трудности в создании вещи, а сами вещи начали воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Недаром часть современных потребителей ведет себя так, будто не понимает, что не все такие, как они, что массы людей трудятся, чтобы обеспечить их возможностью потреблять. Производственно-торговая деятельность отделялась от сезонности и приближалась к линейной темпоральности и точной хроноструктуре. Коммерция и промышленность приобрели статус основных сфер деятельности, а торговые связи между сообществами стали обычным делом. Началась эпоха глобализации, когда общества сближались посредством постоянных контактов. Это сближение давало возможность идти в ногу со временем, приобретая новые предметы и технологии, созданные в других обществах, но и делало народы зависимыми от общей политико-экономической ситуации в мире. Сейчас наметилась тенденция проявления общей экологической ситуации в мире.

На протяжении почти всего своего существования человек успешно учился вырубать и выжигать леса и засорять природную среду, но ранее он, как правило, делал это по необходимости, для удовлетворения вполне реальных потребностей, и поэтому природа, будучи готовой к давлению со стороны человека, могла стойко это давление переносить. Сейчас же борьба с природой происходит под лозунгом фиктивных потребностей, в угоду принципу «потребление ради потребления», своей целевой самозамкнутостью демонстрирующему и свою полную бессмысленность.

Если в прошлые века процесс наступления человека на природу неуклонно нарастал, но еще не вызывал беспокойства, то с середины XX в. началось вполне

очевидное разрушение экосистемы. Человек научился создавать соединения, неизвестные природе, и вообще конституировать для себя жизнь, бесконечно далекую от той, которую именуют природной. В результате происходят невиданное ранее загрязнение воды, почвы и воздуха и подрыв основ существования многих видов рыб, птиц, животных и растений. Преодолевая суровость природы, человек стремительно множил свою численность и вместе с тем снижал планетарное биоразнообразие. Разум, на котором зиждется НТП, решает одни задачи, выгодные определенному субъекту, носящие сиюминутное значение и тем самым создающие огромные проблемы другим субъектам, а возможно, и самому инициатору решения этих задач в долгосрочной перспективе. Он не задумывается о том, что добавление нитратов в агропосадки ради уничтожения мешающих их росту микробов приведет к попаданию нитратов в грунтовые воды, а это повлечет за собой необходимость выведения значительных средств на строительство и более интенсивное использование водоочистительных сооружений. НТП решил многие проблемы, но и конституировал массу новых – еще более глобальных, чем прежние. Именно в XX в. ярмарка тщеславия достигла апогея. Хотя это время и было отмечено огромным количеством научных открытий, данный скачок обошелся очень дорого как человечеству, так и «земле обетованной». «Разумное» и требующее минимум издержек решение сиюминутных проблем привело к появлению еще более значимых проблем: площадь создаваемых человеком пустынь растет, озоновый слой истончается, много видов животных, птиц и растений исчезло.

Культура потребления требует увеличения производства, для чего необходимо огромное количество сырья, добыча и переработка которого зачастую энергозатратны и разрушительны. Истощение ресурсов, с одной стороны, и нарастание объема отходной массы – с другой, вытесняют естественное обновление природы. Без примата экологии и этики над экономикой человечество идет к катастрофе все более убыстряющимся шагом. К сожалению, идеология потребления вместо таких концептов, как экономия, солидарность, ограничение и аскетизм, возмечивает противоположный концепт – максималистскую и безответственную трату. Планета Земля из родного дома превратилась в товар. Вещизм поработил человека, когда человек поработил вещество. «Громкие голоса экологов о бесперспективности столь увлекательного мирового соперничества за количество и качество потребления тонут в потребительски ориентированном водовороте перемалывания природы, человеческих сил и территорий. Рутинная повседневность жизни, перемежающаяся катаклизмами, войнами, революциями, поглощает все призывы об осторожности в обращении с огнем безраздельно растущего перепотребления на полюсе изобилия (на Западе, да и на развитом Востоке), и тлеющим костром недопотребления на полюсе бедности и выживания (на Юге)» [Козловский 2011: 55–65].

Освободившись от природы, человечество ввергло себя в зависимость от создаваемых им же артефактов. Так, в современном мегаполисе не осталось природного и естественного. Прогресс НТР следует рассматривать не как прогресс человечества, а как преодоление своей биосоциальной сущности, самих себя, которое не ведет ни к какой человеко- и миросохраняющей цели. «Необходимо по-новому, строже, чем когда-либо, поставить вопрос об этическом контексте любого знания и любого типа действия, так как *Homo faber* – человек деятельный – не должен подавлять *Homo sapiens* – человека разумного. В противовес этике ан-

тропоцентрического гуманизма, осуществившей яростную денатурализацию человека, его максимальное отдаление от nature, необходимо отстоять собственное этическое право природы, переформулировав кантовский категорический императив посредством включения в него коренной задачи выживания человека и природы: «Поступай так, чтобы последствия твоего действия отвечали задаче непрерывности подлинно человеческой жизни на Земле»» [Фролова 2008: 1050–1051].

Сегодня предсказание о глобальном потеплении стало как недоказанным, так и распространенным убеждением, вызывающим чуть ли не панику в некоторых странах. Оно стало слишком удобным... Скорее всего, оно было сформировано для того, чтобы, видя в качестве причины якобы надвигающейся катастрофы человеческий фактор, затормозить процесс промышленного производства, а вместе с тем и развития некоторых стран. Экологические проблемы действительно в последнее время становятся все более актуальными, и в своей совокупности они ведут планету к катастрофе, которая, правда, вряд ли примет форму глобального потепления. Однако мировые СМИ предвещают невероятно масштабное повышение температуры вследствие выбросов углекислого газа и связывают это повышение с грядущим потопом. На этой почве было создано Киотское соглашение, обязывающее как развитые, так и развивающиеся страны сократить выбросы парниковых газов. И эта пропаганда преследует не только цель экологизации, но и цель снижения роста развивающихся стран, удушение их промышленности, а значит, экономической и энергетической независимости. Неудивительно, что сильные мира сего также потребовали от других стран не использовать необходимое для производства холодильников вещество под названием «фреон», которое якобы угрожает озоновому слою планеты; то есть они делегитимировали производство другими странами крайне важного оборудования – холодильного. Помимо этого они, вооружившись риторикой о небезопасности для человечества атомной энергетики и ссылаясь на Чернобыльскую катастрофу, стали призывать к отказу от атомной энергетики, которая является важной частью суверенитета стран.

Причем Киотский протокол не учитывает климатическую разницу стран-подписантов; так, в России только на отопление уходит много энергии, поэтому при следовании данному протоколу придется распрощаться и с промышленностью, и с теплом. Так, может, если сомнительный прогноз о потеплении как следствии выброса CO₂ реализуется, он будет России выгоден, хотя, конечно, на состоянии атмосферы отразится выброс вредных веществ? Меньше придется тратить энергоресурсов на обогрев, и, соответственно, в стоимость производимых в нашей стране товаров уже не будет входить стоимость затраченного на сопутствующий обогрев топлива. А таяние льдов ныне бесполезного для судоходства Северного Ледовитого океана обеспечит постоянную доступность Северного морского пути. В таком случае реализация Киотского протокола еще более самоубийственна, так как она лишит нас не только львиной доли промышленности, но и серьезных экономических потенциалов, связанных с экономией на потреблении ресурсов, и вытекающего отсюда повышения уровня жизни россиян.

Интересно то, что США не стали присоединяться к данному документу, хотя доля их выбросов в атмосферу, согласно одним источникам, составляет 1/7 от общего количества выбросов [Николаевский 2010: 111–117], а согласно другим –

25 % [Ванн и др. 2005]. Кроме того, США потребляют за счет порабощенного ими третьего мира огромное количество ресурсов, гораздо большее, чем кто-либо другой. Преобладание империалистических американских мотивов, а также собственных их корпорациям интересов «экономической целесообразности» идут рука об руку с искажением экологических приоритетов. Антиэкологические практики для мирового лидера выгодны, так как корпорации заинтересованы в экономии на издержках, которые несут природоохранные меры. Они лоббируют понижение экологических стандартов по отношению к себе со стороны национальных правительств, но поддержание их на высоком уровне по отношению к национальным компаниям. Соблюдение экологических требований приведет к огромным потерям в бизнесе, чего ТНК и покровительствующие им Соединенные Штаты позволить себе не могут, но пытаются навязать другим. Возникает дилемма мирового масштаба: богатые страны не желают поступиться своим потребительским образом жизни, а бедным просто необходим экономический рост, поддерживаемый за счет увеличения промышленного производства, уровень которого (и объем выбросов) не идет ни в какое сравнение с уровнем (и объемом выбросов) развитых стран. Мировой гегемон, ответственный за огромную долю загрязнения, абсолютно непропорциональную численности его населения, пытается возложить бремя ответственности за климатические изменения и решения этих проблем на тех, чей вклад в загрязнение природной среды намного ниже. Если бы все страны мира резко повысили уровень потребления до той отметки, которая свойственна США, планетарная катастрофа произошла бы внезапно. США вообще не приемлют никаких международных ограничений для себя, но воздействовать на весь мир пытаются изо всех сил. Американцы наверняка понимают, что если все будут поступать таким образом, человечество исчезнет, но наделяют себя исключительной привилегией, думая, что все так не поступят, а потому и боятся здесь особо нечего; «мы будем зарабатывать, а они нас спасут». Это доказывает не только наглость американской внешней политики, но и факт реагирования рыночной экономики непосредственно на краткосрочные перспективы, а не на долгосрочные интересы. Здесь заключается еще одно отличие капитализма от социализма; преобладание человека экономического над человеком разумным. Далекое действие человека основывается на разуме, так же как и далеко не вся деятельность человечества укладывается в рамки разума, поэтому стоит поставить под сомнение убежденность в том, что человечество живет именно в ноосферном пространстве.

К сказанному стоит добавить, что обязательства развитых стран ежегодно отчислять 0,7 % своего ВВП на охрану окружающей среды и помощь слаборазвитым странам, соответствующие решению Конференции ООН по окружающей среде 1992 г. в Рио-де-Жанейро, не выполняются [Барлыбаев 2008]. Те, кто благоденствуют (не только правительства развитых государств, но и многие погрязшие в коррупции политические элиты развивающихся стран), понимают необходимость изменения экологической ситуации – прежде всего не для будущего человечества, а для своего будущего. Но они желают возложить обязанность реализации этих изменений на чужие плечи, предпочитая оставаться в стороне.

Крайне ошибочно оправдывающее недостаток российского производства представление, будто Россия призвана вечно выкачивать нефть и газ, а другие страны призваны их покупать. Добыча нефти не простирается в вечность, так как

отсутствует достаточная компенсация вновь открываемыми месторождениями уже использованных, и эту истину поймут наши обнищавшие потомки. Вообще в медиасреде имеются разные оценки объема залежей природных ископаемых в России. В официальных СМИ фигурируют крайне оптимистичные оценки, которые объясняются тем, что СМИ принадлежат правительству и экспортерам ресурсов (что в принципе одно и то же); не будут же они, основывая экономику на сырье, говорить о недостатке этого сырья и тем самым возбуждать народное возмущение по отношению к самим себе. Но если мы прислушаемся к мнению А. П. Паршева [2005], то выводы относительно объема залежей будут не очень оптимистичными. Точные данные по их объему отсутствуют. И даже если бы он соответствовал самым оптимистичным прогнозам, нельзя выстраивать экономику на сырье (когда-нибудь оно все равно закончится) и, несмотря на крайне тяжелые для производства климатические условия в России, необходимо переориентировать экономику с сырьевого вектора на производительный.

Для поддержки отраслевой экономики необходимо модернизировать, а также инвестировать производство. Это требует серьезных финансовых и временных вливаний, причем нет гарантий, что получится создать качественный и конкурентоспособный продукт, который «с руками оторвут». А нефть «отрывают», и работать для ее продажи особо не требуется; сырьевая экономика, в отличие от отраслевой, дает возможность обогащаться здесь и сейчас. Она отдает большее предпочтение спекуляции, а не производству. Соответственно она выглядит более заманчивой. Но ее выбор идет рука об руку с лицемерным принципом «после нас хоть потоп». Даже при выборе между постройкой промышленного предприятия или торгово-развлекательного комплекса чиновники предпочитают выбирать второе, поскольку развлекательный комплекс даст прибыль немедленно, а промышленный объект – спустя значительное время; такой выбор вполне укладывается в рамки узкой и беспечной потребительской стратегемы «здесь и сейчас». Он реализует экономическую пользу для частных лиц, но не страны.

Маловероятно, но возможно, что в связи с нахождением экологически чистого заменителя нефть утратит свою нынешнюю ценность, упадет в цене и... окончательно погаснет звезда пленительного счастья российской экономики, если последняя к тому времени не перейдет с сырьевого на производительный вектор. С ростом конкуренции в области добычи нефти и газа или с появлением их заменителей российские (и арабские) газонефтяные ресурсы мало кому понадобятся и уже мало кто захочет быть зависимым от РФ. Призывы к полному отказу от нефти утопичны, так как она является не только источником для работы транспорта, но также сырьем для производства асфальта и пластмассы, а часть электроэнергии производится из нефтепродуктов. Однако менее утопичен прогноз о падении ценности нефти, что сильно повлияет на российскую экономику. В случае перехода мирового сообщества на более экологически чистое топливо природа вздохнет с облегчением, но российская экономика испытает серьезный удар из-за ее спекулятивности и ориентированности на краткосрочную выгоду. В случае же падения цен на нефть (выгодного нашим геополитическим конкурентам), даже без перехода человечества на альтернативные энергетические источники, российская экономика также потерпит крах. Именно этот сценарий наиболее вероятен в стране, где большее внимание уделяется спекуляциям, где призывы о модерниза-

ции раздаются разве что только в новостях и успешно компенсируются откатами, рейдерством и взяточничеством.

Упасть в цене «черное золото» может в том числе и под влиянием наших весьма сильных геополитических конкурентов, которые не заинтересованы в продаже Россией нефти по высоким ценам. А заменитель искать надо, поскольку вызванный антропогенным фактором экологический кризис все более привлекает к себе внимание. Возникает щекотливая ситуация, основанная на дилемме: *или экологически чистая бедность, связанная с недобычей и неиспользованием природных ресурсов, или экологически вредное богатство*. Поэтому полезным было бы политическое влияние на состояние экономики и экологии. К первому относятся отход от сырьевой ориентации и действительная модернизация. Ко второму следует отнести поиск «экологической чистоты» в секторах добычи и производства, (возможно) введение налога на эмиссию CO₂, влияние на корпорации, чтобы они инвестировали средства в новые экологически чистые технологии. Список, конечно, можно продолжить. При реализации этих стратегий, относящихся как к экономической, так и к экологической сферам, представляется возможным преодолеть противоречие между экологией и экономикой. При рекламируемом во всем мире либеральном режиме невмешательства государства в экономику это сделать будет сложно. Однако сегодня самое время говорить о необходимости нахождения принципиального заменителя, альтернативы вредному производству. И не просто о необходимости его нахождения, но и внедрения. Хотя сейчас и пишут об огромных месторождениях гелия-3 на Луне, 1 тонна которого дает столько же энергии, сколько 14 млн тонн нефти [Привалов 2009], пока неизвестно, чем закончится его добыча (если она и будет начата). Активный поиск новых ресурсов важен, но сам по себе, без совмещения с культурным переходом на непотребительские идеалы, он малополезен.

Сегодня участились разговоры о переходе автомобилей на «гибкое» топливо, которое будет приносить меньший вред атмосфере. Также говорят об усовершенствовании автомобилестроения таким образом, что автомобили, по-прежнему работая на бензине, будут более экономно расходовать данное топливо. Но переход на принципиально новое топливо повлечет за собой тотальную реконструкцию мировой инфраструктуры, а это потребует очень много времени. Да и вряд ли американский политический и экономический истеблишмент всерьез планирует переходить на новые энергоресурсы, и уж тем более он не заинтересован в том, чтобы на эти ресурсы переходили другие страны, конкуренты. Ведь не для того американцы вели затратные войны, влекущие долгожданный захват нефтяных месторождений, чтобы потом просто взять и перейти на альтернативные источники энергии. Этот переход обесценит львиную долю политических инициатив США, а также приведет к банкротству ТНК, специализирующихся на, скажем так, традиционной энергетике.

Потребление является причиной и условием кризиса личности, общества и природы. Когда в обществе нарастает удельный вес апологетов меркантильного потребления, социум заражается этой идеологией, что в конечном счете приводит не только к самодеградации, но и к хищническому отношению к природным богатствам. Большая доля ответственности за ухудшение экологии должна возлагаться в том числе на государство, задача которого – стимулирование инвестиций

в новые ресурсосберегающие и экологически чистые (биосферосовместимые) технологии. Эти технологии способны не только снизить оказываемое на природную среду давление, но и посредством инновационного потенциала, обеспечивающего ресурсоемкость, а потому и низкую себестоимость продукции без потери качества, увеличить конкурентоспособность отечественного товара. Речь идет прежде всего об инновационных проектах, связанных с использованием энергии солнца, ветра, приливов. Без грамотной государственной политики и вне взаимодействия с другими странами экологическую проблему решить невозможно. «Если раньше человечество испытывало локальные и региональные экологические кризисы, которые могли привести к гибели какой-либо цивилизации, но не препятствовали дальнейшему прогрессу человеческого рода в целом, то теперешняя экологическая ситуация чревата глобальным экологическим коллапсом, поскольку современный человек разрушает механизмы целостного функционирования биосферы в планетарном масштабе» [Горелов 2009]. В борьбе с масштабным экологическим кризисом частногосударственных средств явно недостаточно. Экология стала общенациональной проблемой, и соответственно реализация экологических проектов требует совместных действий правительств всех стран. Защита окружающей среды должна стать элементом политики любого государства. Так как каждая страна интегрирована в единую глобальную систему, забота о природе призвана быть одним из основных аспектов международного сотрудничества.

На некоторых научных конгрессах все чаще слышатся осознанные призывы к созданию мирового правительства, которое сможет совладать с возникшей экологической ситуацией. Однако эти легитимирующие идею формирования мирового правительства призывы нужны тем, кто стремится к мировому господству. Следует знать, что целенаправленная поддержка данной идеи ни к чему хорошему не приведет. В целях ее легитимации часто спекулируют на невозможности самостоятельного (национального) решения как экологических проблем, так и проблем, связанных с так называемым мировым терроризмом.

Проблема состояния окружающей среды не является сугубо политической, а потому не поддается решению одними лишь политическими средствами. Не стоит также забывать о том, что смягчение экологической опасности связано с соответствующими сдвигами в мировоззрении и образе жизни. Конституировать мировоззренческий переход от потребительских ценностей к ценностям умеренности, самоограничения и коллективизма у жителей развитых стран очень сложно. Они настолько глубоко интегрировались в жизнь представителей “welfare state” (или просто обществ, не являющихся благоденствующими, но пронизанных этой идеологией, как Россия), стали самой сутью человеческого существования, что подвергнуть их резкой трансформации не представляется возможным. Поэтому жители развивающихся и откровенно бедных стран, не привыкшие к роскоши, скорее всего, более лояльно относятся к факту каких-то материальных потерь, которые пойдут на общее дело. Но этот тезис не означает бесполезности и тщетности культурных сдвигов в среде потребительских обществ; несмотря на трудность их осуществления, а также и благодаря этой трудности, *необходимо сделать все возможное, чтобы потребительская идеология стала днем вчерашним в деле решения проблем сегодняшних и завтрашних, ибо сдержанность есть морально-психологический фундамент планетарной выживаемости человечества.* «По образному выражению Д. Белла, мы доросли до нового словаря, ключевым

понятием в котором будет предел (*limit*): роста, расхищения окружающей среды, вмешательства в живую природу, вооружения и т. д.» [Гринин 2008].

Не имея достаточного объема знаний о состоянии окружающей среды, человек не может переориентировать свой образ жизни в сторону инвайронментализма. Поэтому необходима качественная информатизация общества о проблемах экологии и особой актуальности этого вопроса на сегодняшний день. Информированность в результате должна не просто расширять знаниевую базу, а обогащать «практическое мировоззрение» и приводить к осознанию значимости роли даже одного человека в деле сохранения природы. Только при достаточной информированности в купе с отказом от нарциссично-обывательской потребительской парадигмы система знаний способна перерасти в систему убеждений, которые, в свою очередь, сформируют соответствующий образ жизни. Приведем две цитаты. «Если не осознавать ценности самого “инвайронменталистского” образа жизни, ценности сохранения природы для каждого человека и общества в целом, то переход к экологически ориентированному образу жизни навсегда может остаться в сфере мечтаний и желаний, а не реальности» [Титаренко 2011: 35]. «...Экономическое сознание как сознание ответственное исходит из понимания факта ограниченности ресурсов и необходимости их наиболее рационального потребления. Но от экономического сознания до ответственности поведения субъектов хозяйственной практики дистанция огромного размера. Соблазны и искушения, страсти и эмоции постоянно заставляют человека отклоняться от первоначально установленного мотива поведения. Тем самым мотив не становится императивом, побуждение – нормой, установка – правилом, мысль – убеждением» [Матвеева 2011: 20].

Некоторые ученые, посвятившие свои труды проблематике потребительства и его влияния на экологию, настолько увлекаются критикой покупательского поведения человека, что молчаливо предлагают ни много ни мало вообще перестать покупать. Это предложение носит молчаливый характер потому, что его прямая вербализация выглядит крайне абсурдной. Однако впадшие в безудержную критику современной цивилизации экологи в своих умопостроениях приходят именно к такому выводу, который носится в воздухе, но не высказывается. Звучит он примерно так: «Хочешь сохранить природную среду – перестань покупать». Акцентируя внимание на большой совокупности природных ресурсов, необходимых для создания телевизора, компьютера, кофемолки и прочих изобретений техносферы, они намекают на отсутствие необходимости пользоваться этими изобретениями, а значит, их покупать и, соответственно, производить. Вряд ли эти авторы сами живут в пещерах, носят набедренные повязки и принципиально отказываются от использования в своей жизни данных технических гаджетов. Поэтому такой выходящий за рамки приличия морализм, пропитанный ханжеством и лицемерием, неуместен. Впадая в него, исследователь забывает различие между потребительством и просто покупательским поведением. Второе ориентировано на необходимость для жизни, обеспечение минимального комфорта и не имеет связи с модным расточительством, подчеркивающим статусность. Производство всех используемых человечеством гаджетов, да и само применение в повседневности некоторых из них, оказывает негативное воздействие на окружающую среду, последствия которого распространяются по всей экосистеме планеты. Однако *вынужденное воздействие является не потребительской тенденцией, а всего лишь*

средством существования. Реализовывать покупательское поведение необходимо каждому человеку, но оно должно быть рациональным, основанным на осознании действительной нужности тех или иных предметов и не должно перерастать в оголтелое потребительское поведение.

Жители стран, отличающихся высоким производством потребительских гаджетов, гордо заявляют, что у них наблюдается рост ВВП, улучшается экономика и т. д.; мол, потребление, постоянно стимулируемое у людей желание покупать в купе с огромным массивом производимых товаров дают экономике возможность развиваться. Соответственно бесконечная и бессмысленная стратегия покупок не нужного, а рекламируемого, сопряженная с высокой покупательной способностью, заставляет экономику двигаться вперед. Но не является ли это движение, основанное на увеличении объемов производства и количества потребностей, таким же бессмысленным? Экономический рост трудно назвать самой главной ценностью, ради которой следует использовать любые средства. В эпоху, когда благодаря перепроизводству потребительская культура стала доминирующей культурной тенденцией, когда возросла актуальность экологического кризиса, связанного с превзошедшими порог собственной избыточности производством (перепроизводством) и потреблением, едва ли стоит закрывать глаза на явные негативные факторы (нравственно-экологические) и акцентировать внимание на позитивных (экономических). Все-таки экономика, нравственность и экология развиваются за счет друг друга, а не параллельно. Поэтому при наблюдении позитивных подвижек в одной сфере вовсе не обязательно возникнут такие же позитивные изменения в другой. Изобилие достигается дорогой ценой, и цель не оправдывает средства. ВВП растет за счет создания не только нужных товаров, но и фиктивных, за счет растущих свалок вследствие моды на смену товаров, за счет вырубки лесов, выкачивания нефти, ухудшения почвы и прочих экологически вредных антропогенных факторов. Поэтому растущий ВВП – не показатель здоровья нации. Экономический рост, устремленный в бесконечность, для планеты враждебен. К тому же он удовлетворяет те потребности, которые сам создает, и процесс удовлетворения не успевает за процессом создания. Поэтому он не делает людей более счастливыми.

Совокупный результат всей человеческой деятельности не способствует повышению жизнеспособных свойств среды. Если так будет происходить далее, человек закрепит за собой статус не только убийцы биосферы, но и самоубийцы, поскольку он является частью этой биосферы, а не демиургом, способным подчинить себе природу. Безудержное экономическое соперничество стран, сопряженное с растратой ресурсов и подстегивающее такое же безудержное потребление сейчас, обязательно приведет к необходимости расплачиваться потом. И эта расплата, возложенная на плечи будущего поколения, окажется крайне серьезной. Явно наши потомки не ответят нам благодарностью за те проблемы, которые мы создали и взвалили на них. Ставя под угрозу жизнь потомков, человек реализует негативно-опережающее действие (сначала делает, а потом осознает последствия), чем подавляет не только природный инстинкт самосохранения, но и всякое чувство ответственности перед будущими поколениями. *Принцип «Не навреди!» по отношению к окружающей среде безвозвратно устарел и должен смениться принципом «Спаси любой ценой!».* Наличие планетарных экологических проблем, общих для всех стран, порождает нацеленность на их совместное реше-

ние и придает международно-политической системе конструктивный стержень для экологической деятельности. *Необходимо создание не планетарной культуры, о которой много говорят и которая на практике сводится всего лишь к приведению многих культур к общему знаменателю, а планетарной экологической этики как некоей общекультурной универсалии, построенной на глубоком сходстве экологических ценностных ориентаций и стимулирующей соответствующее общесоциальное поведение. Она должна привести к регулированию отношений по защите экологии человеком от самого себя. Пусть экологическая этика будет представлять собой единство в культурно-национальном многообразии. Именно на ней как наднациональной системе регламентации должно основываться международное экологическое право – работающее, а не номинально созданное. И работающее явно не в одностороннем порядке, как происходит со многими соглашениями и конвенциями, а являющееся действующим результатом консолидированной воли мирового сообщества.*

Конечно, в политическом, идеологическом, экономическом и экологическом плане каждая страна сейчас, не отходя от принципа «с волками жить – по-волчьи выть», чтобы сохранить целостность и не попасть под внешний диктат, должна выстраивать стратегию национально ориентированного эгоизма. Именно национально, а не индивидуально ориентированного, как это делают некоторые диктаторы, забывающие про интересы народа и сохраняющие целостность страны не для народного процветания, а сугубо для личного благополучия. Однако этот путь хоть и имеет массу плюсов по сравнению с путем конформного следования директивам США, которые стремятся навязать выгодный для себя режим другим странам, все-таки соответствует стратегии занимания лучшего места в аду, где все обратились против всех. В идеальном смысле ад должен смениться чем-то большим, миром, где не перекадывается по-детски ответственность с одних на других, когда одни говорят, что, мол, пусть сначала мои соседи снизят вредное производство, а потом уже этим займусь и я. В этом и заключается экологическая этика будущего. Экологическая безопасность не призвана обеспечиваться для какой-то одной страны и одного народа. Бессмысленно выстраивать эту безопасность в контексте национального эгоизма, так как она может быть лишь равной для всех акторов планетарной системы.

Литература

Барлыбаев Х. А. Глобализация: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2008. № 2. С. 12–20. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129849/> (Barlybayev H. A. Globalization: Issues of theory and practice [Electronic resource]: Age of Globalization. 2008. No. 2. Pp. 12–20. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129849/>)

Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М. : Прогресс-Традиция, 2001. (Beck U. What is globalization? / Transl. by A. Grigoriev, V. Sedelnik; Ed. and afterword by A. Filippov. Moscow: Progress-Tradition, 2001).

Ванн Д., Нэйлор Т., Де Грааф Д. Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2005. (Vann D., Naylor T., de Graaf J. Affluenza: The all consuming Epidemic threatening to the world. Ekaterinburg: Ultra. Kultura, 2005).

Голубицкий С. Как зовут вашего бога? Великие аферы XX века. М. : Бестселлер, 2004. Т. 1. (Golubitsky S. How do you call your god? Great frauds of the 20th century. Moscow: Bestseller, 2004. Vol. 1).

Горелов А. А. Глобализация как объективная тенденция мирового развития [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2009. № 1. С. 79–90. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129906/> (Gorelov A. A. Globalization as an objective tendency of world development [Electronic resource]: Age of Globalization. 2009. No. 1. Pp. 79–90. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129906/>)

Гринин Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2008. № 1. С. 86–97. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129828/> (Grinin L. E. Globalization and processes of transformation of the national sovereignty [Electronic resource]: Age of Globalization. 2008. No. 1. Pp. 86–97. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129828/>)

Данилов-Данильян В. И. Глобальная проблема дефицита пресной воды [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2008. № 1. С. 45–56. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129824/> (Danilov-Danilyan V. I. Global problem of fresh water deficiency [Electronic resource]: Age of Globalization. 2008. No. 1. Pp. 45–56. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129824/>)

Дёжкин В. В., Снакин В. В., Попова Л. В. Восстановительное природопользование – основа устойчивого развития [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2008. № 2. С. 95–113. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129867/> (Dyozhkin V. V., Snakin V. V., Popova L. V. Recovering environmental management – the basis of sustainable development [Electronic resource]: Age of Globalization. 2008. No. 2. Pp. 95–113. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129867/>)

Добровольский Г. В. Деградация почв – угроза глобального экологического кризиса [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2008. № 2. С. 54–65. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129855/> (Dobrovolsky G. V. Degradation of soils – a threat of global ecological crisis [Electronic resource]: Age of Globalization. 2008. No. 2. Pp. 54–65. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129855/>)

Козловский В. В. Общество потребления и цивилизационный порядок современности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV 5(58). С. 55–65. (Kozlowski V. V. Consumer society and civilization order of the present // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2011. Vol. XIV 5(58). Pp. 55–65).

Матвеева А. И. Духовная природа личной ответственности: социально-онтологический и антропологический аспекты // Вопросы культурологии 2011. № 12. С. 17–21. (Matveeva A. I. Spiritual nature of the personal responsibility: Social ontological and anthropological aspects // Questions of Cultural Studies 2011. No. 12. Pp. 17–21).

Николаевский Д. А. Демография и ресурсы: факторы цивилизационных перемен // Социс. 2010. № 3. С. 111–117. (Nikolaevsky D. A. Demography and resources: Factors of civilization changes // Sotsis. 2010. No. 3. Pp. 111–117).

Никонов А. Верхом на бомбе. Судьба планеты Земля и ее обитателей. СПб. : Питер; ИЦ ЭНАС, 2008. (Nikonov A. On a bomb. Destiny of planet Earth and its inhabitants. St. Petersburg: PITER; NTs ENAS, 2008).

Новожилова Е. О. Социоэкологическая антропология // Социс. 2011. № 3. С. 13–22. (Novozhilova E. O. Social anthropology // Sotsis. 2011. No. 3. Pp. 13–22).

Паршев А. П. Почему Россия не Америка? Книга для тех, кто остается здесь. М.:

Крымский мост-9Д, 2005. (Parshev A. P. Why Russia is not America? The book for those who stay here. Moscow: Crimean Bridge-9D, 2005).

Привалов Н. Г. О возможной катастрофе 2030–2050 гг. [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2009. № 1. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129898/> (Privalov N. G. About possible catastrophe of 2030–2050 [Electronic resource]: Age of Globalization. 2009. No. 1. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129898/>)

Титаренко Л. Г. Экологический образ жизни минчан // Социс. 2011. № 3. С. 32–37. (Titarenko L. G. Ecological way of life of Minsk residents // Sotsis. 2011. No. 3. Pp. 32–37).

Фролова И. В. Современный человек и экология: на пути к новой этике // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 4. С. 1050–1052. (Frolova I. V. Modern person and ecology: On the way to new ethics // Bulletin of the Bashkir University. 2008. Vol. 13. No. 4. Pp. 1050–1052).

Beck U. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society. 1992. February. Vol. 9. No. 1. P. 97–123.